

**У этой певицы
меццо-сопрано редкой
красоты и тембра,
большой сценический
темперамент,
отточенное вокальное
мастерство.
В Большом театре
она исполняет
более 30 ролей
в операх, в ее
репертуаре десятки
сольных программ
из произведений
русских, советских и
зарубежных
композиторов.
Народная артистка
СССР, лауреат
Ленинской и
Государственной
премии РСФСР
имени Глинки
Елена Васильевна
ОБРАЗЦОВА
сегодня гостя нашей
13-й страницы.**

— Елена Васильевна, какие главные события в вашей творческой жизни произошли в минувшем году?

— Премьера концерта с камерным оркестром Литовской ССР под управлением Саулюса Сондецкиса — «Стабат матер» Перголези (в 1981 году мы исполняли «Стабат матер» и «Гюрию» Вивальди). Дружба с этим коллективом продолжается; сейчас готовим новую программу Перголези, будем записывать пластинки. Выступила в миланском театре «Ла Скала» в опере Доницетти «Анна Болейн». Участвовала и в чемпионате мира по футболу, даже ногу сломала, правда, не на футбольном поле, а на сцене, оступилась. Пела в эти дни в Барселоне в театре Лисео «Дон Карлос». Выходить на спектакли пришлось в гипсе и на костылях, красиво задрапированных тканями, так что публика ничего не заметила... В эти же дни в Барселоне гастролировал оркестр Ленинградской филармонии под управлением Евгения Мравинского. У оркестра был громадный успех, публика стоя приветствовала нашего дирижера, и мне было очень приятно присутствовать при триумфе соотечественников.

— Есть среди ваших оперных героинь такая, которую вы особенно любите?

— Марфа в «Хованщине». Считаю, что это самая великая русская музыка в жанре оперы, а Марфа — образ сильный, чистый, светлый, женственный.

— В 25 лет вы играли 80-летнюю Графиню в «Пиковой даме». Трудно было преодолеть возрастную барьер?

— Когда я выхожу на сцену, то я уже не Елена Образцова, а Графиня в «Пиковой даме», Азучена в «Трубадуре», Шарлотта в «Вертере», Любаша в «Царской невесте»... Я живу судьбами своих героинь, и мне не нужно ничего играть, придумывать; поэтому «возрастных» трудностей у меня не бывает. Очень люблю петь в «Пиковой даме» Графиню. Если же говорить о моем ощущении возраста, то иногда чувствую себя такой старой, что хочется немножко помолодиться. Искусство актера,

певца так мимолетно... Как бывает грустно после удачного спектакля — столько сразу пережито, столько отдано эмоций, сердца, разума, и вот все куда-то ушло, улетело, растаяло. Хочется крикнуть: «Остановись, мгновенье!».

— Но некоторые мгновения все же можно остановить — на киноленте, в видеозаписи. Что трудней: играть на сцене или перед кинокамерой?

— Не люблю сниматься на телестудии, предпочитаю, когда телевидение снимает мои концерты и спектакли из зрительного зала. Кстати, так и сняты почти все мои концерты в Москве, все премьеры спектаклей в «Ла Скала» и «Метрополитен опера»: «Дон Карлос», «Бал-маскарад», «Аида», «Самсон и Далила», спектакль «Кармен» в Вене в постановке Франко Дзеффирелли. С Дзеффирелли меня связывают давняя дружба и сотрудничество. Мы сняли фильм «Сельская честь» — частично со сцены «Ла Скала», были и натурные съемки на острове Сицилия. Картина уже должна выйти на мировой экран. Работа эта обрела свое продолжение: я получила приглашение участвовать в фильмах «Тоска» (будет сниматься в Риме) и «Аида» (в Египте, прямо у подножия пирамид). Недавно по нашему телевидению транслировали мой концерт, данный в Токио; пожалуй, неплохо сделана эта лента, зритель словно сам присутствовал и на концерте, и за кулисами, наблюдал за работой, которую не угладишь из зала, — все

ЕЛЕНА

ОБРАЗЦОВА

нервы и усталость. Публика обычно видит только улыбки, а полезно иной раз узнать и оборотную сторону медали.

— Расскажите, пожалуйста, и о ваших работах на студиях грамзаписи.

— Готовы диски — камерная музыка: романсы Чайковского, Шумана, Свиридова, старинные русские романсы; отрывки из опер и целые партии — «Аида», «Трубадур», «Самсон и Далила», «Бал-маскарад», «Луиза Миллер», «Вертер», «Набукко», «Риголетто», «Адриенна Лекуверрер», «Князь Игорь»... Только что сделан диск, в который вошли «Песни на слова Матильды Вещендонк» Вагнера и «Рассодия для альты» Брамса. Идут записи новых пластинок — «Царская невеста», «Хованщина», «Борис Годунов». На фирме «Дойче граммофон» мы записали «Аиду» с театром «Ла Скала», с оркестром под управлением Клаудио Аббадо; в главных партиях, Аиды и Радамеса, Катя Ричарелли и Пласидо Доминго, я пою Амнерис. Сейчас готовится запись «Тоски». Для меня это очень сложная работа, но настолько увлекательная, что я иду на определенный риск: пою сопрановую партию. Недавно была в Венгрии и узнала, что диск «Замок герцога Синяя Борода» Бартока, который мы сделали с Евгением Нестеренко и дирижером Яношем Ференчиком, получил Гран-при в Париже.

— Елена Васильевна, что вы больше всего запомнили о своем первом выступлении в Большом театре?

— Я от волнения была без памяти. Дебютировала в партии Марины Мнишек в «Борисе Годунове». Стояла полуживая за кулисами и твердила себе, что ни за что не выйду, что «Борис

Годунов» может вполне обойтись без сцены у фонтана. Но тут «паны» подхватили меня под белые руки и вывели на сцену. Что было дальше — не помню. Наверное, пела...

— А чем отличается ваше первое волнение от теперешнего?

— Раньше это было от неумения, сейчас — от умения, отто-

го, что каждый раз хочется спеть лучше.

— Изменились ли ваши взгляды на жизнь с течением лет?

— Да, когда мне исполнилось сорок. Эта дата стала своеобразным подведением итогов. Произошла «переоценка ценностей», каждый день стал для меня дорожкой. По окончании очередного сезона говорю себе: «Все! Столько работать больше не буду!» — но наступает следующий сезон и начинается все сначала. Хочу, чтобы и для моей дочки Леночки работа стала внутренней необходимостью, ведь смысл жизни — в труде. Лена любит петь, но ее голос пока не сформировался. Еще она мечтает стать журналисткой. Я считаю, главное — чтобы из нее получился человек.

— А как вы сами стали певицей?

— Мне всегда, с детства, хотелось петь. У нас дома были замечательные пластинки итальянских певцов: Карузо, Джильи, Галли-Курчи. Соседи часто говорили маме: «Опять Елена делает уроки под музыку!» В третьем классе я поступила в хор при Дворце пионеров, и судьба моя решилась, я была «отравлена» музыкой на всю жизнь. После окончания школы поступила в Ленинградскую консерваторию, в класс профессора Григорьевой. Первую золотую медаль получила на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки, вторую золотую награду — на Всесоюзном конкурсе вокалистов имени Глинки. А в 1964 году, когда я училась на 3-м курсе консерватории, меня приняли в труппу Большого театра. Приходилось и партии петь, и экзамены сдавать. Потом участвовала в двух конкурсах — имени Чайковского у

нас и имени Франсиско Виньяса в Испании, получила две золотые медали. Войдя в репертуар театра, стала выезжать на гастроли за рубеж, и тогда начались предложения участвовать в новых постановках разных театров мира, в записях пластинок.

— И какая же из всех ваших медалей и призов дорожее?

— Пожалуй, «Золотой Верди», которым меня наградили в 200-летний юбилей «Ла Скала» за исполнение произведений Верди; я пела в тот юбилейный год в «Дон Карлосе», «Бал-маскараде» и «Реквиеме». Вручение происходило на родине Верди, в очень торжественной обстановке, в маленьком старинном театре. Было весьма лестно узнать, что этим призом награждали знаменитых Ренату Тебальди, Фиоренцу Косотто, Карло Бергонци — и меня, русскую певицу. Очень приятный и неожиданный для меня приз.

— Каким, на ваш взгляд, должен быть солист оперы?

— Он должен уметь петь и должен знать, что именно хочет сказать людям. Без этого не стоит учиться, терять время.

— Вы зависите как-либо от партнеров?

— Хороший партнер — это подарок и это необходимость, без хороших партнеров нет спектакля. Один певец не может «вынести» на себе всю оперу: нужен ансамбль.

— Елена Васильевна, вы пели в Пушкинском Святогорском монастыре. Как вы относитесь к традиции выступать в исторических местах?

— Надо почитать своих великих предков. Я пела и на родине Мусоргского, Чайковского, Рахманинова... Сейчас много сделано для восстановления дома Шаллиана, и есть надежда на постройку концертного зала его имени.

— Как вы считаете, обязательно петь на языке оригинала?

— Только на языке оригинала! Это мое кредо, выработавшееся годами. Если нашу «Хованщину» петь по-французски

или по-английски, музыка будет другая. А иностранцы говорят, что им странно слушать свои оперы на других языках. Например, итальянцы не могут без улыбки слушать «Тоску» на русском, и я вполне их понимаю, думая об итальянской «Хованщине». Есть музыка языка, и нельзя об этом забывать! Уже прошло то время, когда нужно было привлекать в залы публику, сейчас в наших театрах аншлаги: люди ходят слушать музыку, а не смотреть действие! И я считаю, нужно, наконец, решиться поставить оперу на языке оригинала, так, как это делают все крупнейшие театры мира. «Евгений Онегин» и «Борис Годунов» идут в «Метрополитен опера» на русском, как и «Хованщина» и «Борис Годунов» в «Ла Скала», «Евгений Онегин» в Вене, «Хованщина» в лондонском «Ковент Гардене». Опыт показывает, что люди замечательно принимают музыку на языке оригинала везде — и в Европе, и в Сибири; важно хорошо исполнять, донести до слушателя произведение искусства по возможности таким, каким его создал композитор... Музыка очень тесно связана со словом. У Чайковского Графиня в «Пиковой даме» поет и по-французски, это ведь композитор сделал не случайно.

— Я вижу у вас много книг по живописи. Они помогают вам в творчестве?

— Живопись очень близка музыке. Живопись и музыка обходятся без слов. В музыке, которую я слышу внутренним слухом, много ассоциаций с живописью. Нежность и пламенность Эль Греко, его утонченность помогают мне в исполнении произведений Рахманинова, например, романсов «Дитя, как цветок ты прекрасна», «Островок»... Микеланджело помогает петь Бетховена, по мощи таланта, по духу они для меня очень близки, ранний Гойя ассоциируется с лирикой Де Фальи, а поздний Гойя — с музыкой Гранадоса...

— А кто ваши любимые современные писатели?

— Василий Шукшин, Валентин Распутин, Федор Абрамов, Василий Белов, Виктор Астафьев, наши советские классики — Михаил Шолохов, Леонид Леонов.

— Как расцениваете свой портрет, написанный Глазуновым?

— Замечательный портрет. Счастлива была узнать Илью Сергеевича, интереснейшего человека, оригинального художника.

— При нагрузках, о которых вы говорите, как удается держать себя в форме?

— Для поддержания формы прежде всего требуется желание быть в форме; а значит — диета и зарядка, следовательно, сила воли.

— Чем вы любите заниматься в свободное время?

— Его почти нет, но когда оно бывает, очень люблю читать стихи, смотреть картины, слушать тишину, встречаться со своими друзьями, ловить рыбу, собирать грибы.

— Ваши любимые цветы?

— Жасмин, сирень.

— И последний вопрос: вы счастливы?

— Да! Очень счастлива!

Гостью расщраивала Светлана ШЕВЧЕНКО

Фотографировали Н. и А. Агеевы.

